

И.С. Хугаев

Ирлан Сергеевич Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук, комплексный научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, e-mail: shmiksel@rambler.ru

Опыт популярной хрестоматии осетинской малой прозы: Илас Арнигон. «Челе»**Irlan S. Khugaev**

Comprehensive Research Department of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (CRD VSC RAS), Leading Researcher, Dr., Russia, Vladikavkaz, email: shmiksel@rambler.ru

The experience of the popular anthology of Ossetian short prose: Ilas Arnigon

Сюжет рассказа – как литературного жанра – представляет собой по преимуществу какое-либо одно событие из жизни героя. Конечно, это событие опосредованно освещает целую судьбу, но освещением бледным и ненадежным; оно не выводится из текста с законмерной необходимостью, а относится к области индивидуальной читательской интерпретации. Рассказ – это эпизод, а роман – это полный метр судьбы.

Однако со временем, по ходу развития литературы, по мере освоения жанра рассказа, обживания его малометражного пространства, писатель научается сгущать явления и образы, уплотнять построения и в сравнительно кратких текстах воспроизводить целую человеческую жизнь, – не в биографическом, конечно, смысле, а в идейно-художественном, в смысле образа жизни и судьбы как целого.

Не стоит представлять себе такое развитие линейно; жизнь гораздо сложнее. Но, когда мы что-либо объясняем, мы неизбежно упрощаем. Наука и есть правомерное упрощение.

Например, рассказы Сека Гадиева, который стоит у самых истоков осетинской прозы, уже представляют собой мини-романы, изображающие целую судьбу человека, от рождения до смерти. Не зря З.М. Салагаева говорила о них как о первоначальных шагах осетинской литературы к крупной эпической форме. Но надо учесть, что форма Сека – это не следствие литературного развития, а, парадоксальным образом, следствие отсутствия такового, когда основной творчеством служит таурæгъ – народное предание, быль. Сека – это пишущий сказитель. Он писал жития и хроники, в которых зачастую отсутствует даже единство действия. Его рассказы – это изложения и переложения историй, которые он слышал. Сека не изобретал сюжетов.

Или, когда мы говорим, что «писатель научается», это не значит, что писатель непременно должен начать с рассказов, изображающих одно событие, и только потом он становится способным уместить в рассказ целую жизнь; нет, речь идет не об отдельном писателе, а о своего рода творческом зрелом, национальном литературном сознании, опыт которого вбирает индивидуальный опыт разных писателей (писатели учатся друг у друга; в этом и состоит литературный процесс).

Так, Илас Арнигон написал один-единственный рассказ, но он именно дает образ целой жизни, а не отдельного события, и, хотя в нем немало риторичности (восклицаний, вопросов, иронических ремарок), сближающей его с фольклорной повествовательной традицией, он представляет собой продукт профессионального творчества, авторское изобретение, во многом подготовленное предшествующим литературным развитием.

Илас Арнигон (Тогузов Газак Иласович, 1888–1938) – человек яркой судьбы. Родился он в с. Ардон Северной Осетии в бедной крестьянской семье. После окончания Ардонской духовной семинарии учительствовал в селении Лац, в 1911 г. уехал на заработки в Маньчжурию на строительство Забайкальской железной дороги. В 1918 г. окончил Институт народов Востока (г. Владивосток); в 1919 году был мобилизован в армию Дальневосточного временного правительства, но, не желая воевать на стороне белых, бежал из армии и скрывался в Харбине. В 1924 году Илас Арнигон открыл школу для детей служащих Китайско-Восточной железной дороги, работал в должности инспектора советских школ; с 1925 по 1928 г. был директором школы на станции Хинган. В 1931 году вступил в ВКП(б). На родину вернулся в 1934 г., после захвата Маньчжурии японскими войсками. Работал во Владикавказе переводчиком и редактором в книжном издательстве. В 1937 году был репрессирован (5 января 1938 года расстрелян). В 1955 году посмертно реабилитирован. Литературное наследие Иласа

Арнигона включает 34 стихотворения, поэму, рассказ, две одноактные пьесы и переводы на осетинский язык из Даниэля Дефо и Антона Чехова.

Рассказ «Челе», который мы сегодня публикуем, примечателен своей композицией: жизнь главного героя обрамлена его смертью или, точнее, сценой умирания: в 1-й части мы застаем Челе на смертном одре, вокруг которого, как и в целом селении, нет никого, кто был бы огорчен ввиду скорой кончины старика (элемент интриги, «постановка вопроса»); 2-я и 3-я части ретроспективно освещают жизнь и нравственный облик Челе, давая ответ на вопрос 1-й части; 4-я часть возвращает нас к одру и фиксирует, в свете яркой гротескной детали (об этом мы скажем в заключении), последние минуты жизни героя.

Челе – образ сложный, несколько неожиданный; это не социальный тип, где все более или менее схематично и обще (автору в принципе не свойственно погружение в социальную проблематику), а характер. Да, жизнь Челе описана широкими мазками, но образ, тем не менее, таков, будто прорисован хорошо отточенным карандашом.

Понятие психологизма мы использовали в рамках нашей рубрики применительно к рассказу Батырбека Туганова «Ханифа», однако то был психологизм романтический, психологизм ситуации и фабулы; здесь же мы видим психологию образа и судьбы.

Илас Арнигон ЧЕЛЕ Перевод А. Дзантиева

1

Что могло случиться в эту раннюю весеннюю пору, какое горе побудило скорбеть никогда не унывающее село Танаг Сых?

Умирает, прощается с жизнью Челе. Болезнь свалила, приковала к постели могучего работника. Рухнул, как подкошенный, некогда крепкий дуб. Притаился, затих Танаг Сых. Невестки поспешно прибирают во дворах и в комнатах; женщины извлекают старенькие платица и принимаются усердно чистить их на ветру; молодежь собирает лопаты, заступы, чтобы, не мешкая, заняться приговлением могилы. Ну, а старики-то, сверстники Челе, чем это они заняты? Никак точат ножи втайне от чужих глаз, предвкушая богатые поминки? Горе вам, старики! Придет пора, найдутся такие, кто навоюет ножи и на ваши поминки.

Бедняга Челе, слетелись отовсюду к могиле черные вороны. Пять раз прошмыгнул возле дома умирающего старый Биби – большой любитель поесть и выпить. Вокруг круто изогнувшегося плетня собралась толпа голодранцев и не отрывает жадно поблескивающих глаз от заветных ворот.

Эх, Челе! Не нашлось ни одного доброго сердца, способного обронить по тебе слезу. Немало ты на свете прожил, изрядно потрудился на своем веку, много добра оставил наследникам, вот только не нашел преданного друга, кто утешил бы тебя в твой последний час. Одной ногой ты уже в могиле,

другую норовят столкнуть туда же, так нет, чтобы кто-то протянул тебе руку помощи. Твое прерывистое дыхание, твои мучительные стоны вызывают у четырех твоих невесток лишь улыбки: вон они насмешливо перемигиваются. Было у тебя три изнеженных, избалованных дочери. Не стали они дожидаться достойных женихов, повыходили замуж за первых встречных. Ныне стоят они у твоей постели без единой слезинки в глазах, ждут не дождутся, когда смерть сомкнет тебе веки. Замерли в ожидании четыре твоих сына. Бедный старик, сможешь ли ты оставаться в могиле и не разворотишь ли стены склепа, когда они с жадностью примутся делить твой богатый, полный до краев дом?

Как после ливневых дождей радуется человека яркий блеск солнца, так обрадовала твоя болезнь родных и соседей. Сейчас они всячески пытаются скрыть свое ликование, но как ни тщатся, не могут согнать краску со своих лиц. Родные заботливо ухаживают за тобой, торопятся исполнить каждое твое желание. Как же, знают невестки, что близится твой последний вздох!

И только твоя хозяйка опечалена по-настоящему, только она скорбит неподдельной скорбью. Неужели ей был так дорог одряхлевший муж? Едва успеет померкнуть свет в твоих очах, как сыновья погонят мачеху прочь от закровов – потому-то хозяйка и бросает на тебя такие хмурые взгляды. Так и не исполнилась ее заветная мечта, того и гляди, со-

рвут у нее с пояса амбарные ключи. А ведь сколько раз она тебе наказывала: «Пока жив-здоров, подели имущество среди сыновей». Добрая половина твоего состояния должна была перейти к ее единственному сыну – теперь лишь крохи достанутся ее любимому сыночку.

Окинь взглядом прожитую жизнь, умирающий! Чем ты мог так сильно обидеть родных и близких, если они с таким нетерпением ждут твоей кончины? Почему в людях нет ни капли уважения к твоей старости? Нет, не привык ты оглядываться, вспоминать прошлое.

2

В свои молодые годы Челе был славным работником. Трудился он не покладая рук, днем и ночью, в праздники и будни. Бывало, еще только рассветало, когда Челе, закутавшись в изодранную, ветхую шубенку, катил на телеге в лес. А в это время где-нибудь на свадьбе его подвыпившие сверстники горлачили песни. По воскресным дням молодежь затевала пляски, Челе же, поругивая лошадей охрипшим голосом, устало шагал рядом со своей упряжкой. Будучи молодым, Челе ни разу не сел на коня верхом, чтобы проехаться в свое удовольствие. Единственное его «путешествие» верхом – это поездка в Дермецыкк на сенокос. Ни одному своему сверстнику не стал он шафером, ни с одним зятем не переступал порога дома невесты. Он не смог бы назвать ни одного осетинского села, в котором ему довелось побывать, как не смог бы назвать ни одного знакомого, у которого решился бы попроситься на ночлег.

Покончив с тяжелой работой, он ни разу не сбросил с себя тряпье, не облачился в выходные одежды, как это пристало молодому, и не отправился по своим друзьям. Юношей он никогда не задерживался возле танцующих, ни разу не пустился в пляс. Как иные молодые, он ни разу не выбрал себе на танцах девушку и до глубокой старости толком так и не разобрался, которая из двух его жен была милей да ласковей.

От пяток до самой макушки увяз Челе в работе, ни разу он так и не поднял головы и не пригляделся к свету жизни. Не припомнить было, чтобы он больше двух дней задержался в селе. Бывало, придет с одной работы, с жадностью набросится на еду и, едва успев прожевать кусок, идет на другую работу. Ел Челе так же, как и работал. В селе его знали как непревзойденного едока.

...Стылым зимним вечером возвратился Челе из лесу с тяжело груженной упряжкой. Отвел лошадей в конюшню, каждую вещь аккуратно положил на место и только после этого отворил двери дома. В очаге горит-пылает огонь. Над очагом кипит-булькает суп. Хозяйка замесила тесто, печет лепешки. Челе присел у очага, стал отогреваться. Вытащил фасал¹ из чувяков, высушил промерз-

шую одежду, согрелись и его кости. Челе бы сейчас приступить к еде, но суп пока не готов. Хозяйка достала из золы первую лепешку, положила ее рядом с очагом и сунула в золу другую лепешку. Челе не спускает с лепешек глаз. Это и не удивительно: со вчерашнего вечера он, можно сказать, ничего в рот не брал. Правда, в суме у него был промерзший чурек, но об него скорее зубы поломаешь, чем откусишь. Едва запах теплого хлеба коснулся ноздрей Челе, он не удержался, потянулся за лепешкой. Попросил у хозяйки сыворотки, и лепешка в мгновение ока исчезла в его чреве. Но только теперь в нем по-настоящему пробудился голод. Вторая лепешка исчезла вслед за первой. Хозяйка печет, Челе умирает. Пока варился суп, Челе смолот шесть лепешек с сывороткой. Когда же суп был наконец готов, он проглотил еще и седьмую лепешку.

Усердным, неустанным трудом Челе возвел богатый дом, напоминающий щедро набитый медом пчелиный улей. Дом высотой в два этажа, рядом огромный сарай. Одной стороной сарай упирается в амбар, другой – в летний домик. В хлеву у Челе полно скота, в теплой конюшне – коней. Ни у кого в селе нет таких упитанных и красивых буйволов и коров, как у Челе. Ни из чьих ворот не выезжает такая аккуратная и исправная телега, как у него. Ни у кого нет столько зерна в амбарах, как у Челе. Одной кукурузы у него столько, сколько не найти во всем Танаг Сыхе.

3

Постарел Челе. Дети его женились, сами обзавелись детьми. Нет, не в силах угнаться за Челе четверо его сыновей. Они работающие, хозяйственные, однако работа не заслоняет им жизни. Будни у них сменяются праздниками, есть у них сверстники, друзья, не отказываются они и от веселья.

Сам Челе несколько не изменился. Он по-прежнему не позволяет сыновьям распорядиться в доме, как и прежде не появляется на нихасе среди старших. Даже будучи стариком, он остается самым прилежным работником в доме. Правда, теперь он не сопровождает обозы в город, не ездит на телеге в лес, но работы у него отнюдь не убавилось. Отправив сыновей на работу, Челе принимается наводить порядок в домашнем хозяйстве. Он виновник того, что в доме ни у кого не остается времени ни на отдых, ни на веселье. Челе требует от домашних, чтобы они всегда были при деле, будь то старшие или младшие, мужчины или женщины. Никому не удастся и дня передохнуть – для каждого Челе найдет работу. В доме Челе женщина и часа не посидит спокойно, даже если вздумает запереть двери своей комнаты. Он и новую невестку не постесняется запречь в работу, впрочем, она и сама охотно за нее примется, лишь бы не слышать ворчанья Челе. Соседскому малышу не удастся вдоволь наиграться с младшим сыном Челе – едва он сунет нос в

¹ Фасал – мягкая сухая трава. (Здесь и далее по тексту – примечания переводчика.)

их двор, как Челе сразу же отправляет его чистить хлев. От хмурых взглядов Челе, от его гортанных выкриков то и дело испуганно вздрагивают домашние и соседи.

Даже на старости лет у Челе нет ни одной свободной минуты. Встает он с рассветом и допоздна возится по хозяйству. Рыщет по закоулкам двора в поисках работы: там приберет, здесь соорудит, там заплату поставит. Кто еще сможет поставить такой плетень, как Челе? Кто сложит такую красивую копну сена? Кто сможет, подобно Челе, обновить изодранный хомут, истертое седло? Кто быстрее его сменил поломанную оглоблю, кто лучше его смастерит новую арбу, чья тяжелая ось окажется прочней? Кто в целом селе ухаживает за огородом лучше Челе? Нет, он не стал, подобно некоторым, засорять садовый участок деревьями. Обыкновенный картофель – вот что он сажает каждую весну. Челе не любит деревьев. Когда-то он посадил перед домом несколько акаций, а потом сам же их постепенно вырубил: там, глядишь, надо кольями запастись, там колесные спицы заменить. К чему Челе деревья? Фруктов он не ест, отдыхать же в тени деревьев у него нет времени...

Соседи нередко огорчают Челе. Развеселый Та-наг Сых не хочет брать с него пример. А ведь если бы люди поменьше сидели под деревьями да почаще вспоминали о своих домах, то и не бегали бы к Челе за помощью. Челе никого не беспокоит и не любит, чтобы беспокоили его: он никогда и никому не окажет помощи, если знает, что эта помощь во вред его собственному дому. Скажем, понадобился соседу топор, так пусть прежде нарубит чуточку дров в сарае Челе. Попросит сосед кукурузную молотилку – пусть прежде намолотит ящик кукурузы для Челе. Попросит телегу – пусть заодно захватит с собой и навоз со двора Челе. Попросит изготовить ось – пусть один день отработает с сыном Челе.

4

Умирает Челе. Его тесть Черыко только и ждет, когда придет пора прикрыть старику веки. Три дочери Челе повязали косынки, приготовили носовые платки и затихли в ожидании той минуты, когда надо будет удариться в слезы. Больной тяжело дышит. Порой его начинает охватывать беспокойство, губы принимаются что-то беззвучно шептать. Черыко наклоняется над ним и пытается его успокоить:

– Сейчас, Челе, сейчас! Не волнуйся, Бабе пошел за ним...

Чем это так взволнован Челе, что гложет его сердце в предсмертные минуты?

Дверь распахивается, и к больному скорым шагом подходит средний сын Бабе. Челе узнал его и пристальным взглядом уставился в лицо сыну. Бабе наклоняется над отцом и шепчет ему в самое ухо:

– Баба, нет у них нашего рашпиля, нет! Тембол клянется, я, говорит, давно его вернул, зачистил древко топора и сразу же отнес обратно, передал в руки самого Челе.

Больной заметался в постели, попытался приподняться и сесть, но так и не смог этого сделать. Черыко нагнулся к нему:

– Что тебе, Челе?

Больной с трудом разомкнул губы и произнес одно единственное слово:

– Чырын...

– О каком это чырыне он говорит? – удивился Черыко.

– Это он о ящике с инструментами, – догадался Бабе и вытащил из-под кровати большой деревянный ящик. Челе не сводит с сына тревожного взгляда.

Бабе принимается доставать из ящика рубанки, стамески, напильники, молотки, старые подковы, изогнутые гвозди... Рашпиля нигде не видно. Бабе бросает инструменты обратно в ящик и заталкивает его под кровать.

Больного охватывает еще большее волнение. Он, не мигая, глядит на сына и что-то беспрерывно шепчет. Черыко подставляет ухо к самым губам Челе, и ему удается разобрать: «Тембол... Рашпиль!»

– Бабе, сходи еще раз к Темболу, – говорит Черыко, – пусть он получше поищет этот рашпиль... А нет, так обойди соседей, может, отыщется у кого-нибудь!

Бабе с ворчанием покидает комнату:

– И на что ему сейчас рашпиль, или, может, на том свете он собирается доски гроба зачищать?

Разбрелись по селу четыре сына Челе, повсюду ищут рашпиль.

Челе стал испускать дух. Дыхание его становится прерывистым, а то и вовсе останавливается. Больной все же находит в себе силы, ворочая глазами, оглядеть собравшихся. Черыко опускает ладонь на лоб умирающему и внимательно вглядывается в его зрачки. У трех дочерей Челе носовые платки начинают бегать от носа к глазам и от глаз к носу.

В комнате появляются сыновья Челе: отыскался-таки рашпиль отца! Бабе приближается к постели и показывает рашпиль умирающему. При виде рашпиля Челе что-то начинает бормотать, в глазах его мелькает радостный блеск. Бабе вытаскивает из-под кровати ящик с инструментами и, приподняв крышку, бросает туда рашпиль. Комнату оглашает громкий звон металла. Челе облегченно вытягивается, вздыхает и... Черыко прикрывает ему веки.

Между 1911 и 1915 гг.

² Баба – папа, отец.

РЕЗЮМЕ

Прежде чем вывести идею текста, давайте отметим три обстоятельства, уязвимых для критики. Два из них относятся к представленному здесь переводу Анатолия Дзантиева, одно – к оригиналу.

1. Рассказ начинается с вопроса: «Что случилось (...), какое горе побудило скорбеть... село Танаг Сых?», а в дальнейшем выясняется, что в селе не только никто не горюет, но, напротив, все радуются. Если Дзантеев полагал, что его зачин достаточно ироничен, чтобы это не выглядело противоречиво, он полагал это ошибочно. В позднейшем переводе Таймураза Саламова читаем: «Что случилось, отчего притихло (...) всегда оживленное село Танаг Сых?», – что гораздо ближе и духу, и букве оригинала.

2. Слово «рашпиль», использованное обоими переводчиками рассказа на русский язык, представляется не слишком удачным решением. Формально такой перевод абсолютно корректен: осетинское «ардуан» и есть «рашпиль». Но «ардуан» в тексте Арнигона абсолютно органичен, тогда как «рашпиль» в русском тексте слишком шершав, слово это звучит и выглядит слишком технически и специализированно. Лучше было бы пожертвовать лексической точностью стилистической органике и использовать вместо «рашпиля» «напильник». Незначительной разницей между рашпилем и напильником вполне можно было пренебречь.

3. Фрагмент 2-й части рассказа, в котором проголодавшийся Челе поедает лепешки, выпадает из композиционного алгоритма; такая иллюстрация прожорливости Челе совсем не обязательна; достаточных оснований для актуализации эпизода, для специального крупного плана (беспрецедентного в рамках повествования о прошлом Челе), мы не видим.

Итак, в чем главная мысль рассказа Иласа Арнигона, на освещение какого феномена он нацелен? Или, если поставить вопрос популярно, соответственно задачам нашей хрестоматии, – почему и соседи, и семья Челе тайно радуются его близкой смерти? Чем бедный Челе так всем досадил?

А тем, что превыше всего он ставил... труд. Довольно неожиданный повод для осуждения человека, не правда ли? Тем не менее, так оно и есть. И именно в этом осуждает его автор, тонко полемизируя с привычными литературными и идеологическими нарративами.

Этот «могучий работник», как называет его автор, всю жизнь только трудился. Труд затмил ему свет Божий.

Челе всего добился своим трудом. Челе никому ничего не должен. Челе ни у кого ничего не просил и сам никому ничего не давал. Разве что под своеобразный бесстыдный процент, выплачиваемый ему работой. Этот осетинский «папаша Гобсек», этот «скупой рыцарь» лишил себя досуга, чурался веселья, праздников, песен и танцев, избегал дружбы, не узнал любви. Челе никогда не был со своим народом, со своей семьей.

Жизнь пролетела – а он и не жил. Только работал, как раб.

И ел. «Кто не работает, тот не ест»: Челе считал, что он имеет право есть досыта. И только в этой радости себе не отказывал.

Трудолюбивым человеком Челе можно назвать только саркастически; Илас Арнигон показал нам апофеоз и обратную сторону трудолюбия – фанатическую преданность работе, которая питает гордыню и которая, будучи возведена в принцип, и смешит, и пугает. Это и есть – гротеск.

Челе страшнее иного богача-мироеда. Потому что у Челе есть убежденность в том, что он морально прав, что он лучше всех, что он имеет право всех презирать, ибо никто так не работал всю жизнь, как он.

Верно, что «кто не работает, тот не ест», верно, что «терпение и труд все перетрут», что «без труда не вытащишь и рыбку из пруда»; но верно и то, что «работа не волк, в лес не убежит». Вот она какова – народная мудрость. Эта мудрость свободная, не стесняющаяся противоречий, улыбчивая, ироничная, не догматичная, не деспотичная. А Челе – образ деспота и догматика. А говоря популярно – зануда. И, хотя автор не коснулся этой стороны натуры своего героя, мы можем не сомневаться, что Челе, помимо прочего, напрочь лишен чувства юмора. Поистине, смешон тот, кто не умеет смеяться!

Да, Челе очень серьезный, последовательный человек. Он бы тоже мог, вслед за атеистическим героем Ивана Тургенева, сказать, что природа – это мастерская. А вот наш Коста утверждал, что мир – это храм.

Соответственно, перед лицом смерти Челе не о душе думает, а о рашпиле. (О, если бы он подумал о душе! – тогда бы это была совсем другая история.) Дума о рашпиле венчает его земное бытие. Впрочем, это тоже достаточно последовательно, если учесть, что, вероятно, в рашпиле и заключается душа Челе. Выкажем толику снисходительности: пропавшим рашпилем он озабочен не только потому, что скуп; Челе любит порядок, Челе аккуратен и педантичен.

Лишь тогда Челе облегченно испустил свой дух, когда его заветный рашпиль бросили в ящик с инструментом, лежащий под его одром. Раздавшийся при этом «громкий звон металла» порождает хоть юмористическую, но отнюдь не напрасную ассоциацию с сокровищем, а двусмысленность осетинского слова «чырын», означающего как «ящик», так и «гроб», намекает на бессмысленность жизни, прожитой Челе, и на бренность его наследия.